

ражения на реке Сити 4 марта 1238 г. В летописной записи, посвященной гибели этого князя, мы читаем: «Бѣ же Василько лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ... Мужество же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина с ним ходяста; бѣ бо всему хытръ и гораздо умѣя, и посѣде въ доброденствѣи на отни столѣ и дѣдни, и тако скончася, якоже слышасте».¹⁹⁰

Наиболее же пространную характеристику князя мы читаем в Ипатьевской летописи под 1288 г., в записи о смерти князя Владимира Васильковича. В этой характеристике в равной степени уделено внимание как чертам внешнего облика князя, так и душевным его качествам: «Сѣи же благовѣрный князь Володимиръ возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты, кудрявы, бороду стригый, руки же имѣя красны и ноги; рѣчь же бяшетъ въ немъ тольста и устна исподняя дебела, глаголаше ясно отъ книгъ, зане бысть философъ великъ, и ловець хитръ, хороборъ, кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мздоимецъ, не лживъ, татьбы ненавидяше, питья же не пи от возраста своего. Любовь же имѣяше ко всимъ, паче же ко братии своей, ко хрестъномъ же цѣлованью стояше со всею правдою, истинною, нелицемѣрною; страха же божия наполненъ, паче же милостыни прилежае, монастырь набдя, чернцѣ утѣшаа и вси игуменъ любовью приймаа, и монастыри мнози созда, на всь церковный чинъ и на церьковники отверзъ ему бяшетъ богъ сердце и очи; иже не помрачи своего ума пьянствомъ, кормител бо бяшетъ чернцемъ и черницамъ и убогимъ, и всякому чину яко возлюбленный отецъ бяшетъ, паче милостынею бяше милостивъ».¹⁹¹

Мы нарочно привели эту пространную выдержку для того, чтобы наглядно показать, что и в этой характеристике хотя и уделено чертам портретного изображения значительно больше места, чем во всех рассмотренных выше, но эти черты буквально тонут в многословном изображении моральных совершенств героя. Здесь выписан идеальный образ благоверного князя, каким он должен быть по представлениям официальной церковной идеологии того времени. Произведенные нами сопоставления Хроник Малаалы и летописей доказывают, как нам кажется, что, во-первых, авторы летописных статей отталкивались в своем изображении портретных черт людей от переводных образцов Хроник Малаалы и Амартола. Оттуда брали они самый порядок введения портретной характеристики в историческое повествование. От Малаалы же идет, без сомнения, и скульптурная выпуклость словесного изображения.

Что же касается конкретных приемов изображения облика деятеля, то в этом летописцы решительным образом отходят от шаблона, получившего распространение в переводной письменности. И в этом сказалось влияние феодальной идеологии, находившей опору в моральном учении православной церкви. Мы видели, что уже и в самом тексте Малаалы по мере перехода от римской античности к византийскому средневековью идет на убыль внимание к внешним чертам портрета.

Изображая людей, в частности создавая облик идеального князя, летописец шел от общих представлений, от заранее заданного в общественной идеологии своей эпохи и своего класса совершенного образца. Сущность этих идеальных представлений как в морально-идеологическом, так и в литературном плане с достаточной полнотой раскрыта в работах Д. С. Лихачева. Идеальным представлениям о том, «как подобает человеку быти», вполне соответствовали и те стилистические нормы, те фразеоло-

¹⁹⁰ Там же, стр. 199.

¹⁹¹ Там же, т. II. СПб., 1843, стр. 220—221.